

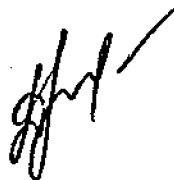
На правах рукописи

ЦЫДЕНОВА Дарима Сандановна

**СИСТЕМЫ ДЕЕПРИЧАСТИЙ
МОНГОЛЬСКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ
(ФОРМА И ЗНАЧЕНИЕ)**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук



Элиста 2006

Работа выполнена на кафедре филологии Центральной Азии восточного факультета Бурятского государственного университета.

- Научный руководитель: доктор филологических наук,
чл.-корр. РАН, профессор
Рассадин Валентин Иванович
- Научный консультант: доктор филологических наук
Трофимова Светлана Менкеновна
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Харчевникова Роза Пюрвеновна
- доктор филологических наук
Бурыкин Алексей Алексеевич
- Ведущая организация: Восточный факультет
Санкт-Петербургского
государственного университета

Защита состоится « 09 » ноября 2006 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета К 212.305.01. при Калмыцком государственном университете по адресу: 358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Калмыцкого государственного университета по адресу: 358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

Автореферат разослан « 8 » октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук



Бадмаев Б.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Как известно, уже около трехсот лет существует научно обоснованная гипотеза о родстве монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков, получившая название «алтайской гипотезы». Русские ученые Иакинф Бичурин и Палладий Кафаров, занимавшиеся языками Дальнего Востока, еще в первой половине XIX века указывали на близость корейского языка к тунгусо-маньчжурским и монгольским, исходя не только из исторических связей, но и типологической общности. Сходства материального характера на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях вызвали интерес к исследованиям, расширяющим рамки включения языков в эти группы. Так, финский ученый Г.И. Рамstedт в 30-е годы XX века доказал родство корейского языка с алтайскими [1928, 1933]. В России изучением корейского языка в плане сопоставления его с алтайскими языками занимался Е.Д. Поливанов [1927], который, по мнению Л.Р. Концевича, «...обращается к корейско-алтайским связям в плане нахождения общих сходств в фонетическом и морфологическом строе сравниваемых языков в тех случаях, когда можно доказать, что эти сходства восходят к достаточно отдаленному прошлому. Таким образом, типологическое изучение у него как бы предваряет и дополняет генеалогическое» [2001, с. 579].

Гипотеза о принадлежности корейского языка к алтайской семье, выдвинутая почти одновременно и независимо друг от друга Г.И. Рамstedтом и Е.Д. Поливановым, получила поддержку и дальнейшее подтверждение в трудах многих ученых, но в ней остается много неясного и спорного [Концевич 2001, с. 537].

В 60-е годы XX века вопросами об отношении корейского языка к семье алтайских языков занимались лингвисты КНДР, такие как Хон Ги Мун, Ю Ер и др. Известно, что и в настоящее время в Республике Корея ведутся сопоставительные исследования. К примеру, Чой Ки Хо в своей статье «Изучение генеалогии корейского и монгольского языков» говорит о том, что в историко-этнографическом и географическом отно-

шении Монголия, Маньчжурия и Корея имели много общего. На этом основании он полагает возможным выдвижение гипотезы о северо-восточной азиатской семье языков, которая включала бы монгольские, маньчжурские и корейский языки, поскольку, по его предположению, они произошли от одного языка-предка [2002, с. 300].

Монгольский исследователь Б. Сумьябаатар в своей монографии «Монгол Солонгос туургатны угсаа гарал, хэлний холбооны асуудалд» («К вопросу об этнолингвистических взаимоотношениях предков монголов и корейцев») на основе анализа древнекорейских антропонимов, этнонимов и слов, зафиксированных в корейских и китайских исторических источниках, приходит к выводу, что древнекорейские антропонимы, названия титулов и чинов не только в звуковом, смысловом, но и в морфемно-структурном отношении, были сходны с центрально-азиатскими, в том числе с монгольскими и тюркскими. Помимо этого, им были исследованы в сравнительном аспекте фонетика и графика монгольских и корейского языков, выявлены характерные специфические особенности и законы регулярных фонетических соответствий в этих языках и сделан вывод о том, что появившаяся в XV веке корейская фонетическая письменность имеет те же истоки, что и уйгуро-монгольская письменность. Однако корейцы заимствовали не ту форму, которая существовала в XV веке, а возродили более древнюю. Также автор отмечает, что в монгольских и корейском языках наблюдается значительное количество лексических параллелей. Это, прежде всего те слова, которые нельзя рассматривать как результат непосредственных и недавних заимствований из одного языка в другой, поскольку они являются компонентами этимологических гнезд слов в каждом из них [1975, с. 219-221].

Таким образом, очевидно, что корейский язык обнаруживает не только общие типологические черты с алтайскими языками, но и сходства материального характера в области грамматического строя и лексики. Вопросы типологической общности и структурной близости монгольского и ко-

рейского языков давно обратили на себя внимание исследователей, тем не менее, их сравнительное изучение, несмотря на отдельные достижения, находится фактически на начальном этапе. По замечанию Н.А. Баскакова, «Японо-корейская ветвь возникла, как утверждают ученые, в результате смещения алтайских диалектов с соседними неалтайскими языками, и поэтому в современной алтаистике сравнительно-исторические исследования обычно ограничиваются только тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, выделяя в особую область японо-корейскую общность» [1981, с. 5].

В сложившихся условиях чрезвычайно важно сопоставить отдельные фрагменты и формы этих языков. Если исходить из понимания того, что языки являются сложными целостными системами, их сложно сравнивать в общем, без последовательного рассмотрения конкретных языковых элементов. Так, к примеру, системы деепричастий, широко представленные как в монгольском, так и в корейском языках. Детальное сравнительное изучение состава, форм и грамматических значений деепричастий в этих языках позволит выявить как общие черты в их бытовании, так и специфические, что крайне важно при изучении двух языков. Деепричастия сравниваемых языков во многом сходны, представляют собой обширный класс в системе глагола, обладают многоаспектным семантико-функциональным статусом.

Актуальность темы исследования. Необходимость изучения деепричастий определяется ролью, которую они играют в предложении как самостоятельно, так и в сочетании с другими формами и служебно-вспомогательными глаголами, выражая различные видовременные и модальные оттенки действия. Исследование деепричастий в плане сравнения монгольского языка с корейским предоставляет возможность рассмотреть вопрос об отношении корейского языка к алтайской языковой семье. Разработка же проблем родства и типологии алтайских языков, является чрезвычайно важной, поскольку корейский язык относительно недавно стал причисляться к семье алтайских языков. В связи с этим требуется детальное

сравнение элементов корейского языка с другими алтайскими языками, например, с монгольским. Сравнительные исследования отдельных структурных элементов и грамматических категорий монгольского и корейского языков, в частности, форм деепричастий, имеют большое научное значение. Этим предопределяется актуальность темы данного исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1) сравнительное исследование грамматических форм и значений деепричастий монгольского и корейского языков показало, что каждая деепричастная форма монгольского языка имеет типологически аналогичную ей деепричастную форму или целый ряд форм в корейском языке, при помощи которых можно выразить те же семантические отношения одного предикатива к другому;

2) несмотря на гипотетическое единство генезиса, монгольский и корейский языки обнаруживают отсутствие материальных признаков сходства в области деепричастных форм, выявляется лишь типологическое сходство, свидетельствующее о том, что деепричастные формы в двух языках формировались уже после отделения корейского языка от алтайской языковой общности, когда еще не сложилась самостоятельная система деепричастия.

Состояние изученности проблемы. Сравнительное исследование форм деепричастий и их значений в монгольском и корейском языках монографически не проводилось. Имеются лишь фрагментарные наблюдения в области сравнения отдельных корейских деепричастий с монгольскими. Так, например, корейский исследователь Сонг Чже Мок в одной из своих статей [2003] сравнивает общее значение монгольского аффикса со сходной деепричастной формой корейского языка. Известно, что исследования подобного плана проводятся в Монгольском государственном университете и Гуманитарном университете Монголии, однако опубликованных материалов нет.

В то же время деепричастиям в отдельности посвящено много специальных исследовательских работ и разделы в грамматиках монгольского языка, к примеру, Я. Шмидта, О. Ковалевского, Ал. Бобровникова, А. Бобровникова, Вл. Котвича, Г.И. Рамstedта, А. Руднева, Н. Поппе, Г.Д. Санжеева, Б.Х. Тодаевой, З.К. Касьяненко, Ш. Лувсанвандана, А. Шархуу, С. Галсана, П. Бямбасана и др., Ц. Өнөрбаяна, Т.Б. Цыреновой и многих других.

В корейском языке деепричастие рассматривалось в работах Ю.Н. Мазура, Г.И. Рамstedта, А.А. Холодовича, Г.Е. Рачкова, Бруно Левина, Хансона Ли. В Республике Корея тема деепричастий получила довольно широкое освещение и представлена большим количеством работ, например, Чжу Си Гён, Чхве Хён Бэ, Квон Чжэ Иль, Ким Чжин Су, Юн Пхёнг Хён, Чжо О Хён, Нам Ки Сим, Со Чжонг Со и др.

Целью данной диссертационной работы является сравнение значений деепричастных форм монгольского и корейского языков для выявления степени их сходства и различий. В соответствии с этим ставятся следующие задачи:

- выделить формы деепричастного типа в системе монгольского и корейского языков, уточнить состав собственно деепричастий, определить их значения и дать классификацию;
- проанализировать формы и значения деепричастий монгольского языка в сравнении с аналогичными формами корейского языка;
- рассмотреть специфические формы деепричастий корейского языка, не имеющие аналогий в монгольском языке.

Объект исследования – деепричастные формы монгольского и корейского языков.

Предмет исследования связан с определением форм и грамматических значений монгольских и корейских деепричастных форм в сравнительном аспекте.

Материалом данного исследования послужили выборки деепричастных форм из имеющихся опубликованных грамматик, научных работ и

словарей по сравниваемым языкам, а также из художественной и учебной литературы. Кроме того, мы опирались на личные наблюдения над употреблением деепричастий в речи носителей монгольского и корейского языков. Собранный фактический материал по деепричастным формам составил картотеку в объеме более 3000 единиц. Так как количество деепричастных форм в монгольских языках является спорным и до конца не уточненным, при отборе форм деепричастий монгольского языка мы руководствовались положениями, высказанными в монголоведении такими учеными как Б.Х. Тодаева [1953], Г.Д. Санжеев [1963], Ш. Лувсанвандан [1968], А. Шархуу [1971], Е.К. Скрибник [1980], П. Бямбасан [1987], Ц. Өнөрбаян [1997], а также материалами грамматик современного монгольского языка [1966, 2004]. Кроме того, использованы материалы авторских лекций профессора В.И. Рассадина по теоретической грамматике современного монгольского языка (курс читался на восточном факультете Бурятского госуниверситета с 1995 по 2000 гг.).

Состав деепричастий корейского языка обобщенно выявлен нами из работ Ю.Н. Мазура [1951, 1960, 2001]; А.А. Холодовича [1954]; Г.Е. Рачкова [1958, 1963, 1966]; Чхве Хён Бэ [1961]; Квон Чжэ Иля [1985]; Со Чжонг Со [1996], Чжанг Гуанг Гуна [1999]; Ли Хи Чжа [2004]. Также использовались материалы из лекций по теории грамматики корейского языка профессора Квон Чжэ Иля (курс читался в Гуманитарном институте Сеульского госуниверситета в 2004 г.).

Методы исследования. В работе использован комплекс методов, таких как: сравнение, сопоставление, аналогия, противопоставление, метод компонентного анализа, которые позволили произвести детальное исследование грамматических значений деепричастных форм монгольского и корейского языков, выявить их сходства и различия.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в монголоведении рассматриваются монгольские деепричастные формы в сравнении с корейскими, анализируется их семантика путем последо-

вательного изучения групп сопутствующих, обстоятельственных, смешанных и специфических форм деепричастий.

Научная и теоретическая значимость работы. Сравнительное исследование систем деепричастных форм глагола в монгольском и корейском языках позволит глубже понять природу деепричастий как наиболее обширного класса в системе глагола, отражающего типологическое сходство двух языков. Выработанная в процессе исследования методика и содержащиеся в диссертации теоретические положения и выводы могут быть использованы для дальнейшего сравнительного изучения других форм глагола.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее результатов при подготовке учебных пособий, разработке лекций по грамматике монгольского и корейского языков, по сравнительной грамматике монгольского и корейского языков. Подобное сравнение может быть применено в переводческой практике.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры филологии Центральной Азии восточного факультета Бурятского государственного университета. Основные положения работы были представлены в виде докладов на следующих научных конференциях: 1) Международная научная конференция «Чингисхан и судьбы народов Евразии» (Улан-Удэ, 2003 г.); 2) Международная конференция «Россия-Азия. Становление национального самосознания» (Улан-Удэ, 2005 г.); 3) Международная научная конференция «Проблемы межкультурной коммуникации в преподавании иностранных языков» (Улан-Удэ, 2006 г.); 4) Ежегодные научно-практические конференции преподавателей и сотрудников БГУ (Улан-Удэ, 2004, 2005, 2006 гг.).

По теме диссертации опубликовано 7 научных статей, а также выполнен научный проект Министерства образования Российской Федерации (грант № А03-1.5-331 на 2003 г.).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка сокращений источников и приложений в виде таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы работы, определяются ее цель и задачи, объект и предмет исследования, выявляется научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, указываются методы и материалы исследования, отмечается апробация работы и ее структура.

Глава I. «**Состав и классификация деепричастий монгольского и корейского языков**» включает в себя три параграфа.

В параграфе 1.1. «**Состав деепричастий монгольского языка**» уточняется количественный состав деепричастий монгольского языка. В результате к деепричастным формам отнесены не только сложившиеся в языке формы, но и «вторичные» формы, образованные на базе субстантивированных причастий в разных падежах, а также некоторые спорные формы: аффиксы причинного деепричастия *-маажин*, *-хаар*, *-снаар*; деепричастие прерванности действия на *-снаа*; отрицательное на *-лгүй*; предшествующее деепричастие с аффиксами *-хад* (*-хдаа*). В качестве критерия рассмотрения состава деепричастий мы использовали функциональный признак – способность определять главное действие через зависимое действие. Всего в монгольском языке выделено 16 видов деепричастий и 20 аффиксов.

В параграфе 1.2. «**Состав деепричастий корейского языка**» анализируются проблемные вопросы количественного состава деепричастий корейского языка: образование вторичных форм при помощи инфиксов и вспомогательных частиц, образование новых форм на базе инфинитивов в падежном оформлении, образование новых форм путем сращения аналитических конструкций и форм косвенной речи в единый аффикс, а также сочетаний причастий с именами и частицами. На основании проведенного анализа выводится состав деепричастий корейского языка, включающий 17 групп деепричастий, всего 72 аффикса.

В параграфе 1.3. «Принципы классификации деепричастий монгольского и корейского языков» вслед за В.И. Рассадиным деепричастия монгольского языка подразделены нами не на две, как принято в традиционном монголоведении группы, а на три: сопутствующие (I группа), обстоятельственные (II группа) и смешанные (III группа). К смешанным деепричастиям относятся продолжительное с аффиксом *-саар* и предельное с аффиксом *-тал*.

Говоря о классификации деепричастий корейского языка, следует отметить, что для систематизации многочисленных форм, причисляемых к деепричастиям в данном языке, наиболее приемлем морфолого-семантический критерий, позволяющий учесть не только значение аффикса, но и синтаксические отношения аффикса со временем, уважительными степенями, формами наклонений финитного сказуемого, которые позволяют раскрыть особенности функционирования аффиксов в предложении. Однако для проведения сравнительного анализа в настоящей диссертационной работе монгольские и корейские деепричастия рассмотрены в трех группах соответственно делению деепричастий монгольского языка на сопутствующие, обстоятельственные, смешанные; в отдельном параграфе рассматриваются специфические деепричастные формы корейского языка.

Глава 2 «Системы деепричастий монгольского и корейского языков» посвящена сравнительному анализу грамматических значений монгольских и корейских деепричастий.

Сравнительный анализ форм и значений деепричастий монгольского языка с аналогичными формами корейского языка позволяет сформулировать следующие выводы:

Практически каждая деепричастная форма монгольского языка имеет типологически аналогичную ей деепричастную форму или целый ряд форм в корейском языке, при помощи которых можно выразить семантические отношения одного предикатива к другому.

Два языка характеризуются большим количеством деепричастных аффиксов. Например, одновременность зависимого и главного действий в монгольском языке может быть выражена аффиксами *-жс/-ч*, *-н*, последовательность действий – аффиксами *-аад*, *-магц*, *-хлаар*, *-нгуут*, попутность – *-нгаа*, *-нгуут*, цель действия – *-хаа*, *-хаар*, условие действия – *-вал*, *-ваас* и др. В корейском языке перечисление одних только форм со значением причины действий может дать представление о значимости этой категории: *-асә*, *-(i)nikka*, *-(i)milo*, *-nilago*, *-gie (-gillæ)*; *-gilo*, *-(i)mæ*, *-dago*, *-(i)lthenikka*, *-dәнji*, *-dabsigo*, *-nīn/-(i)njila*, *-(i)njig*, *-gәnīl*, *-nani*, *-ass.dәнjila*, *-(i)lini* и др.). Таким образом, содержательно одни и те же предикативные отношения, один и тот же фрагмент действительности в корейском языке могут быть выражены с помощью разных форм деепричастий, каждой из которых соответствует свое, специфическое лингвистическое содержание. Часто близкие по значению деепричастия могут взаимозаменяться, что связано со стилистическими и эвфоническими обстоятельствами во избежание тавтологии в одном и том же предложении.

Количество деепричастий в двух языках постоянно увеличивается. Наблюдается тенденция образования монгольских деепричастных форм за счет слияния в единый аффикс причастно-падежных конструкций, например, аффикс причинного деепричастия *-снаар* состоит из формы причастия прошедшего времени на *-сан* и аффикса орудного падежа на *-аар*, аффикс целевого деепричастия *-хаар* образован от причастия будущего времени на *-х* и аффикса орудного падежа на *-аар*, аффикс предварительного деепричастия *-хад* образован при помощи причастия будущего времени на *-х* и формы дательного-местного падежа на *-д*.

В корейском же языке пополнение деепричастных форм происходит в основном путем слияния в единый аффикс инфинитивно-падежных конструкций, например, аффиксы причинных деепричастий *-gie* и *-(i)milo* образованы от окончаний первого инфинитива на *-gi* и второго инфинитива на *-(i)t* в сочетании соответственно с окончаниями дательного падежа на *-е* и

орудного падежа на *-(i)lo*. Кроме того, в корейском языке новые деепричастные формы образуются сочетанием причастий и служебных слов. Например, аффиксы уступительного деепричастия *-(i)lmangjang* и *-(i)ljanjang* образованы от причастия будущего времени на *-(i)l* и служебных слов *mangjang* и *ljanjang*, утративших свое первоначальное значение. Образование новых форм происходит и за счет присоединения к уже существующему аффиксу различных вспомогательных частиц *-ya*, *-man*, *-do*.

Монгольские и корейские деепричастия, как и в других алтайских языках, характеризуются образованием трех видов конструкций по способности реализовать свою подлежащую валентность: моносубъектные, разносубъектные и вариативно-субъектные. При этом многие из деепричастных аффиксов монгольского языка могут выражать грамматическое лицо, принимая частицы личного и безличного притяжания, например, попутное деепричастие 1 (*-нгуут+аа*), предварительное деепричастие (*-магц+аа*), предельное деепричастие (*-тлаа*, *-тал минь*, *-тал чинь*, *-тал нь*) и др. В корейском языке зависимое сказуемое, также как и сказуемое вообще, может выражать грамматическое лицо, однако каких-либо маркеров при этом оно не принимает.

В результате проведенного исследования мы обнаружили, что некоторые монгольские и корейские деепричастия способны встречаться в позиции финитного сказуемого. Однако в монгольском языке это происходит за счет усечения вспомогательного глагола аналитической конструкции, в корейском же языке наблюдается не только такой процесс, но и происходит обратное построение высказывания, когда зависимое звено с деепричастием в качестве самостоятельного предложения следует за основным сообщением, и деепричастная форма играет роль финитного сказуемого. При таком построении сложных предложений деепричастие получает более существенный логический и коммуникативный акцент, в монгольском же языке выражение акцентирования, усиления или интенсивности действия выражается путем повтора деепричастной формы. Подобного обратного построения предложений они не допускают. Таким образом, тезис о не-

конечности инфинитных форм, в частности деепричастий, применительно к монгольскому и корейскому языкам не абсолютен.

В отличие от деепричастий монгольского языка, характеризующихся неизменяемостью, за исключением слитного деепричастия, корейские деепричастные формы могут сочетаться с послелогом и вспомогательными частицами. В составе таких сочетаний послелог или частица формируют новое грамматическое значение аффикса. Изменяя семантику базового показателя, они берут на себя основную семантическую нагрузку, например, послелог *buthə* «с» придает деепричастию одновременности *-(i)tuənsə* значение «с того момента как», а уступительная частица *-do* привносит значение уступки «хотя и сделал». Встречаются и сочетания со вспомогательными частицами, передающими лишь усиление, уточнение, ограничение значения деепричастного аффикса.

Если деепричастия монгольского языка присоединяются непосредственно к основе глагола и выражают лишь относительное время совершения действия, то корейские деепричастия обладают способностью выражать время путем присоединения к основе предикатива, оформленной видовременным суффиксом. Сочетание с видовременными суффиксами обычно вызывает изменение грамматического значения аффикса. Например, аффикс соединительного деепричастия корейского языка *-go* в разносубъектной конструкции, присоединяясь к основе глагола непосредственно, выражает одновременность или последовательность двух действий, а, присоединяясь к основе глагола, осложненной видовременным суффиксом прошедшего времени *-ass/-əss/-yəss-*, выражает значение равноценности двух действий или состояний. Встречаются такие вторичные формы, которые уже не употребляются без суффикса прошедшего времени (*-ass.dəndil*, *-ass.dəlamyən*, *-ass.ja* и др.).

Большинство корейских деепричастий отличаются полисемичностью. Один деепричастный аффикс может реализовывать несколько грамматических значений, тогда как в монгольском языке это свойственно лишь определенной группе сопутствующих деепричастий.

Деепричастия корейского языка обладают модальным значением реальности / ирреальности, долженствования / недолженствования, возможности / невозможности действия, которые выражают отношение высказывания к объективной действительности со стороны говорящего. Данное значение также определяет объективность, возможность, достоверность действия, позитивный или негативный характер отношения субъекта речи к содержанию. Модальная нагрузка корейского деепричастия говорит о том, что человек стремится завуалировать свою мысль, избегая прямого высказывания. Нередко модальное значение аффикса может быть выделено специальными модальными словами. В монгольском же языке модальность выражается больше лексическими средствами, нежели морфологическими.

Все сопоставляемые деепричастия были рассмотрены в четырех группах: сопутствующие, обстоятельственные, смешанные и специфические деепричастия корейского языка.

Параграф 2.1. «Сопутствующие деепричастия» включает в себя четыре деепричастия: соединительное, слитное, разделительное и отрицательное деепричастия монгольского языка в сравнении с корейским языком.

Отметим, что выявленные здесь сходства и различия деепричастий первой группы в монгольском и их эквивалентов в корейском языке, характеризуются наличием основных и дополнительных значений. Следует отметить, что широкий спектр семантики деепричастий этой группы также является одной из специфических ее черт. В отличие от них обстоятельственные деепричастия, как правило, имеют одно, реже два значения.

Деепричастиям первой группы свойственно удвоение формы с той разницей, что в монгольском языке происходит полная редупликация деепричастной формы или использование синонимичных глаголов в форме соединительного деепричастия, а в корейском языке либо удваивается только глагол ($\Gamma 1+go \Gamma 1$), либо к синонимичным глаголам добавляется вспомогательный глагол, образуя аналитическую конструкцию ($\Gamma 1+go \Gamma 2+go ha.da$). При этом допускают удвоение только соединительное ($-go$)

и сочинительное *-(i)туэ*) деепричастия, например, *Сэтгэлд хуримтлагдан хуримтлагдан байсан гомдол. – 가슴에 쌓이고 쌓인 한. Gasim-e ssah.i-go ssah.in han* (ССОКЯ, с. 59). – Обида, долго копившаяся в душе (досл. обида, копившаяся и копившаяся в душе). Не во всех случаях монгольские формы с повтором деепричастий можно перевести на корейский язык соответствующими им аффиксами. Однако наблюдается близость типологического характера, когда удвоение формы вызывает качественные изменения в грамматическом значении.

Сравнение показало, что не только сопутствующие деепричастия монгольского языка, но и соответствующие им аналогичные формы корейского языка могут заменять друг друга без принципиального изменения значения, например: *Архи бол аманд (оржс / ороод / орон / орсоор) бүх мэдрэлийн сүв судас болгоноор дамжин оюун ухааныг согтоодог билээ* (Д.Н.) – *술은 입으로 (들어가코 / 들어가서 / 들어가면서 / 들어가며) 모든 맥관으로 통과하며 사람 정신을 중독시킨다. Sul-in ib-i-lo (dil.a.ga-go / dil-a.gasə / dil.a.ga-myansə / dil.a.ga-myə) mo.din mæg.gwan-i-lo thog.gwa.ha-myə salam jəngsin-il jungdog.sikhinda.* – Водка, попав (попадая) в рот, проходит по всем сосудам и отравляет сознание.

Корейский язык характеризуется наличием множества форм с одинаковым значением, в связи с чем значения деепричастий монгольского языка могут быть переданы на корейский разными деепричастными формами. Соединительное с аффиксами *-ж/-ч* может быть переведено не только при помощи своего эквивалента *-go*, но и аффиксом *-gosə* в значении последовательности двух действий, аффиксом *-(i)туэ* в значении равноценности двух действий или состояний. Слитное деепричастие имеет две сходные формы: *-(i)туэ* и *-(i)туэнсэ*. Значения разделительного деепричастия с аффиксом *-aad* монгольского языка на корейский язык можно передать деепричастными формами: *-daga, -adaga, -dəni, -ninde*, которые выражают различные оттенки значения предшествования одного действия другому.

Соединительное деепричастие монгольского языка (2.1.1.) с аффиксами *-жс/-ч* можно сравнить с соединительным деепричастием корейского языка на *-go*. Оба аффикса сходны во всех выражаемых значениях, и практически любое предложение с аффиксом *-жс/-ч* можно перевести на корейский язык при помощи его аналога. Основные значения соединительных деепричастий: значение одновременности и предшествования зависимого действия действию финитного глагола, которые можно объединить в одно общее значение перечисления действий во времени; значение перечисления действий в пространстве, т.е. выражение равноценности действий или состояний, когда не важно, происходят они одновременно или одно за другим; значение продолжения зависимого действия, оформленного соединительным деепричастием, или его результата во время совершения последующего основного действия; значение способа совершения действия, обстоятельственное значение причины действия.

Слитное деепричастие монгольского языка (2.1.2.) с аффиксом *-н* в основных значениях одновременности двух действий и значении способа / образа совершения действия сходно с деепричастиями корейского языка с аффиксами *-(i)myə* и *-(i)myənsə*, которые различаются сферой применения: аффикс *-(i)myə* сочинительного деепричастия имеет тенденцию больше использоваться в письменной речи, а аффикс *-(i)myənsə* – в устной. Например: *Ким багшийн эхнэр нь инээмсэглэн, бид нарыг угтан авав. – 김 선생 부인은 (웃으면서 / 웃으며) 우리를 맞아주셨습니다. Gim sənsəng bu.in-īn (us-ī-myənsə/ us-ī-myə) uli-lil maj.a.ju.syəss.sībnida.* – Жена учителя Кима, улыбаясь, встретила нас.

Разделительному деепричастию монгольского языка (2.1.3.) с аффиксом *-aad* соответствует аффикс *-asə* корейского языка, который совпадает с ним в выражении основного значения последовательности действий и дополнительных значений: наличия результата одного действия во время другого, способа совершения действия и причины действия.

Отрицательное деепричастие (2.1.4.) монгольского языка с аффиксом *-лгүй* сопоставимо с соединительным деепричастием корейского языка в отрицательной форме, например, в значении, когда несовершенство зависимого действия становится условием совершения основного действия: *Ганц ч хатуу үг хэлэлгүй эрх танхи өсгөлөө* (З.Б.) – *엄격한 말 한 마디도 안 하^고 버릇이 나쁜 아이들을 길렀다*. *əmgyəg.han mal han madi-do an ha-go bə.lis-i na.ppin ai-dil-il gillæss.da.* – Вырастила избалованных детей, не сказав ни одного строгого слова.

В параграфе 2.2. «Обстоятельственные деепричастия» деепричастные формы монгольского языка, относящиеся ко II группе, сопоставляются с аналогичными формами корейского языка.

Сравнение обстоятельственных деепричастий показало, что все формы монгольского языка имеют свои эквиваленты в корейском языке.

Отметим, что выявленные здесь различия связаны с синтаксическими ограничениями корейских деепричастий (форма выражения финитного сказуемого, его оформление, реализация собственной подлежащей валентности и др.), например, объективная причина действия, выражаемая аффиксом *-asə*, не допускает оформления финитного сказуемого модальными формами побудительного наклонения и формами предположения), другие же корейские деепричастия субъективной направленности действия, такие как *-(i)ni*, *-(i)nikka*, требуют оформления финитного сказуемого данными формами. В отличие от них монгольские причинные деепричастия таких грамматических ограничений не имеют.

Предварительное деепричастия (2.2.1.) монгольского языка на *-магц* и корейское деепричастие мгновенной смены действий с аффиксом *-ja* сходны во всех выражаемых значениях: а) мгновенной смены действий, когда первое действие завершилось; б) мгновенной смены действий, в начальный момент первого действия; в) мгновенной смены действий, когда первое действие становится причиной последующего действия.

Последовательное деепричастие (2.2.2.) монгольского языка имеет два аффикса *-хлаар* и *-хаар*, которые могут заменять друг друга без изме-

нения значения. Значение последовательности, выражаемое при помощи монгольского аффикса *-хлаар*, в корейском языке может быть выражено разными деепричастными аффиксами в зависимости от того, как два действия соотносятся между собой: последовательные действия, совершающиеся одно за другим регулярно и ставшие постоянными или привычными: аффикс условного деепричастия *-(i)туэн*; последовательные действия, в совершении которых говорящий уверен или знает наверняка, что они произойдут: *-gədīn*; последовательные действия, промежуток между совершением которых очень мал: *-jataja*; последовательные действия, где предыдущее действие вызывает за собой последующее и становится его причиной: *-gillæ*.

Монгольский язык имеет три формы условного деепричастия (2.2.3.): *-вал / -бал, -ваас, -хуул*, которым в корейском языке соответствует условная форма на *-(i)туэн* с такими же основными значениями. Кроме аффикса *-(i)туэн* существует еще несколько условных форм: *-gədīn, -nīn/-(i)ndamyən, -ass.də.la.myən, -ass.dəndīl, -(i)l.jinde*. Если в монгольском языке выбор того или иного условного аффикса обусловлен сферой применения, то в корейском языке выбор зависит от модальных характеристик аффикса и его грамматического контекста.

Попутное деепричастие (2.2.4.) имеет два аффикса *-нгуут* и *-нгаа*. Аффикс *-нгуут* имеет два значения: 1) зависимые отношения двух действий, когда в процессе совершения одного действия совершается другое действие; подобная одновременность совершения двух действий в аффиксе *-нгуут* может быть подчеркнута безлично-притяжательной частицей *-аа* (*-нгуутаа*); 2) когда одно действие совершается непосредственно вслед за другим действием, т.е. между концом предыдущего и началом последующего действия проходит совсем небольшой промежуток времени. В таком случае оно может заменяться с аффиксом *-магц* предварительного деепричастия и в корейском языке ему соответствует аффикс мгновенного деепричастия *-ја*.

Форме на *-нгаа* в корейском языке соответствуют аналитические конструкции *-nŭn gil-e* и *-nŭn gim-e* со значением «по пути», «заодно». *Чи сахинд гарангаа сонингоо аваад ирээрэй. – 밖에 나가는 길에 신문 좀 사 와라* (ССОКЯ, с. 250). *Bakk-e naga-nŭn gil-e sinmun jom sa.wa.la.* – Выходя погулять, купи газету. Это же значение можно выразить и деепричастными аффиксами *-(i)myənsə*, *-(i)myə*: *Аав дуу аялангаа оройн холоо бэлдэж байна. – 아버지는 노래를 부르면서 저녁 식사를 하고 계세요* *Abəji-nŭn no.lə-lil bu.ŭ-myənsə jənyəg sigsa-lil ha-go kye.seyo.* – Папа, напевая песенки, готовит ужин.

Единственному монгольскому уступительному деепричастию (2.2.5.) с аффиксом *-вч* в корейском языке соответствует множество форм с противительным и уступительным значениями: *-jiman*, *-(i)na*, *-ədo*, *-(i)lmangjəng*, *-gənman*, *-(i)lyənman*, *-ninde/-i)nde*, *-(i)ljianjəng*, *-dəlado*, *-(i)ljilado*, *-(i)nama*, *-(i)ndil*, *-(i)doi*, *-ass.ja*. Противительные деепричастия выражают семантическое противопоставление содержания зависимой предикативной единицы содержанию главной предикативной единицы. В значении противопоставления говорящий признает содержание зависимого сказуемого в качестве реального факта, уже существующего в действительности или воспринимаемого в качестве реального. Если же содержание зависимого сказуемого безотносительно к его реальности и предполагает какое-либо действие или состояние, выражается значение уступки.

Монгольскому деепричастию цели (2.2.6.) с двумя аффиксами *-хаа*, *-хаар* в корейском языке соответствуют три формы: *-(i)lə*, *-(i)lyəgo*, *-goja*. При этом монгольские формы могут заменять друг друга без заметных различий. Корейские же деепричастные формы со значением цели действия могут заменять друг друга тогда, когда для достижения цели субъект совершает какое-либо передвижение в пространстве, например, аффикс *-(i)lə* сочетается только с определенной группой глаголов, обозначающих движение, и выражает не цель действия вообще, как аффиксы *-(i)lyəgo* и *-goja*, а цель передвижения. Аффиксы *-(i)lyəgo* и *-goja*, в отличие от аф-

фикса *-(i)lэ*, выражают внутренне замышляемое действие-цель достичь чего-либо. Но они тоже различаются между собой. Значение намерения аффикса *-goja* имеет сильную внутреннюю направленность, желание говорящего совершить это действие. Аффикс *-(i)lyəgo* не имеет такого внутреннего содержания, скорее наоборот, его значение намерения совершить действие выражено слабо из-за наличия значения предположения, которое заставляет воспринимать его как желание совершить действие, нежели твердое намерение. Значение цели с различными модальными оттенками может быть выражено и другими деепричастными формами, что позволяет говорящему высказать свое отношение к действительности и предмету высказывания без использования дополнительной лексики, например, *-nilago* – причинно обусловленная цель, форма на *-dolog* – цель-результат, *-(i)lyəgo* – цель-предположение, *-goja* – цель-намерение, *-(i)lэ* – цель-передвижение.

В монгольском языке насчитывается три деепричастных формы со значением причины действия (2.2.7.): *-хаар*, *-снаар*, *-мааж(ин)*. Из них форма *-хаар* свойственна разговорной речи, а две другие – письменной. Данным монгольским формам в корейском языке соответствует целый ряд деепричастий, выражающих причинные отношения, выбор которых осуществляется исходя из контекста, сферы применения и отношения говорящего к предмету высказывания: *-asə*, *-(i)nikka*, *-(i)mīlo*, *-nilago*, *-gie*, *-gilo*, *-(i)mæ*, *-dago*, *-(i)l thenikka*, *-dənji*, *dabsigo*, *-nīn'-(i)njila*, *-(i)njīg*, *-gənil*, *-nani*, *-ass.dənjila*, *-(i)lini* и др.

Цитатное деепричастие монгольского языка (2.2.8.) с аффиксом *-руун* занимает среди деепричастий современного монгольского языка особое место. Оно употреблялось только в письменных монгольских текстах и совершенно не свойственно живой, разговорной речи, а в современном языке изредка встречается в произведениях эпистолярного жанра, где оно образовано от основ некоторых речевых глаголов и всегда предваряет прямую речь. В корейском языке также имеется цитатное деепричастие с аффиксом *-doi*, характеризующееся такими же признаками, что монгольское цитатное деепричастие: *Хаан хуу эзэн хаанаас шлүү эрдэм сурсан хүн*,

олонд хүндтэй байдаг юм гэдгийг мэдэж эцэг хаанд өгүүлрүүн: Хаан аав сонсож болгоо! (МНС, с. 15). – 왕자는 왕보다 공부를 더 많이 한 사람이 국민들에게 존경을 받는다는 것을 알게 되고 아버지께 말하되: «아버님, 들어 주세요». Wangja-nin wang.boda gongbu-lil da manh.i han salam-i gug-min-dil-ege jon.gyäng-ül bad.nin.danin gäs-ül al-ge doi-go abaji-kke mal.ha-doi: “Abā-nim dil.ə ju.seyo”. – Принц, узнав, что человек, который приобрел знания больше хана-властителя, пользуется большим уважением, обратился к отцу: «Отец, выслушай меня!»

Опираясь на примеры из источников (СХТБ, МНС, ССОКЯ), у нас достаточно оснований говорить о том, что субъектно-притяжательное деепричастие на -снаа (по определению З.К. Касьяненко, 1968) является деепричастием прерванности действия (2.2.9.), которое на корейский язык обычно переводится при помощи деепричастной формы -daga. Например: Эмийнхээ эрхэнд орсон эрийг эм гэж тооцвол эм нь олон, эр нь цөөн юм байна гэсэнд Бүргэд удаан бодлогширон сууснаа цугласан шувууддаа... (МНС, с. 4). – «마누라의 손에 잡힌 남자들을 여자로 생각하면 여자들이 많고 남자들이 적다»라고 하니 독수리는 오래동안 생각에 잠기다가 모인 새들에게... - ‘Manula-ii son-e jab.hin namja-dil-ül yaja-lo saenggag.ha-myən yaja-dil-i manh-go namja-dil-i jæg.da’ lago ha-ni dog.su.li-nin o.læ.dong.an saenggag-e jamgi-daga mo.in sæ-dil-ege... – «Если считать мужчин, попавших во власть своих жен, женщинами, то женщин больше, а мужчин меньше», – на такой ответ орел после долгих раздумий обратился к собравшимся птицам...

Оба деепричастия реализуются только в составе моносубъектной конструкции. Встречаются разносубъектные конструкции, однако в таких случаях обычно подразумевается общий субъект, необязательно указываемый прямо. Например: Бороо орж байснаа одоо цас орж байна (СХТБ, с. 95). – 비가 오다가 이제는 눈이 와요. Bi-ga o-daga ije-nin nun-i wa.yo. – Шел дождь, а теперь идет снег. Здесь подразумевается общий субъект «погода».

Предшествующее деепричастие (2.2.10) монгольского языка с аффиксами -хад и -хдаа имеет несколько значений, которые переводятся на

корейский язык формой *-(i)l itæ* во временном значении; формой условного деепричастия *-(i)туэн* при выражении постоянно повторяющегося, регулярного действия; формой причинного деепричастия *-(i)nikka* в модальном значении восприятия.

§ 2.3. «Смешанные деепричастия» рассматриваются продолжительное и предельное деепричастия монгольского языка в сравнении с аналогичными формами корейского языка.

Продолжительное деепричастие (2.3.1.) монгольского языка с аффиксом *-саар* обозначает такое длительное действие, в процессе которого совершается другое действие, т.е. обозначает одновременность двух действий, совершаемых одним субъектом, чем отличается от деепричастий I группы. В корейском языке ему соответствуют также деепричастия с аффиксами *-(i)туэнсэ* и *-(i)туэ*.

Г.Д. Санжеевым выделено еще одно значение выражения действия, после которого его исполнитель сразу же приступает к другому действию, поэтому последующее действие является непосредственным продолжением предыдущего. В этом значении данный аффикс близок к обстоятельственным деепричастиям *-нгуут* и *-магц* [1963, с. 243]. Например: *Түүнийг мэдэж (авсаар / авангүүтаа / авмагц) надад хэлж өгөөч. – 그것에 대해 알게 되자 나한테 말해 줘요. Gi.gas-e dæhæ al-ge doi-ja na-hanthe mal.hæ jwæ.* – Как только узнаешь это, скажи мне. Однако, как видно из языкового материала, такое применение данного аффикса не особенно распространено в монгольском языке, потому что для выражения мгновенной последовательности действий существуют специальные деепричастные показатели: *-нгуут(аа)*, *-магц*.

Предельное деепричастие (2.3.2.) монгольского языка с аффиксом *-тал* имеет три значения: достижение временного или пространственного предела, значение результата действия и значение степени совершения действия. В корейском языке есть деепричастный аффикс *-dolog*, аналогичный монгольскому предельному деепричастию. Однако значение пре-

дела гораздо чаще передается при помощи временной конструкции *-(i)l ttæ kkaji*, например: *Би үхтлээ чиний хэлснийг мартахгүй. – 내가 (죽도록 / 죽을 때까지) 네 말을 잊지 않을 거야. Næ-ga (jug-dolog / jug.īl ttæ.kkaji) ne mal-īl ij-ji anh.īl.gə.ya.* – Я до смерти не забуду твои слова (досл. до тех пор пока не умру, твои слова не забуду).

Монгольское предельное деепричастие также обозначает продолжение одного действия до наступления другого или совершение одного действия с началом другого. Аналогичной формы в корейском нет, но обычно данное значение передается при помощи деепричастного аффикса *-ni(kka)* в значении восприятия действия. В таком случае теряется значение предела, например: *Дэлгүүрээс жүүс худалдаж аваад гартал бороо орж эхлэв (СХТБ, с. 101). – 가게에서 주스를 사고 나오니까 비가 내리기 시작했어요. Gage-esə jusi-lil sa-go nao-nikka bi-ga næli-gi sijag.hæss.ə.yo.* – Пока я покупал (купил и вышел) сок в магазине, начался дождь.

Предельное деепричастие также выражает действие, которое указывает на степень совершения следующего за ним действия. В этом значении с ним соотносятся две деепричастные формы корейского языка на *-dolog* и *-ge(kkim)*, например: *Шанагараа ус цул цал хийтэл цохив. – 물이 사방으로 튕겨 (나가도록 / 나가게) 바가지로 물을 내려쳤다. Mul-i sabang-ilo ttuing.gyə (naga-dolog / naga-ge) bagaji-lo mul-īl nælyə.chyæss.da.* – Шлепал по воде так, что вода плескалась во все стороны.

В параграфе 2.4. «Специфические деепричастия корейского языка» рассмотрено пять видов деепричастий: деепричастие степени на *-(i)lsulog*, сравнительное деепричастие на *-dīs(i)*, разделительное деепричастие с аффиксами *-gəna*, *-dīnji*, *-dīnga*, *-(i)na*, деепричастие опасения на *-(i)lsela*, фоновые на *-nīnde*, *-dānde*, *-nīnba*, *-dānba*, *-dāni*, *-gəniwa*, значения которых в монгольском языке передаются при помощи различных связующих средств.

В **Заключении** подведены основные итоги исследования, обобщены положения и выводы, изложенные в соответствующих главах и параграфах. Сравнительное исследование показало, что системы деепричастий монгольского и корейского языков во многом схожи, практически каждая деепричастная форма монгольского языка имеет соответствующую ей деепричастную форму или ряд форм в корейском языке, но сходство это ограничивается лишь типологией. Материального же сходства выявить не удалось. Несмотря на гипотетическую общность происхождения, монгольский и корейский языки самостоятельно вырабатывали деепричастные формы, и отнесение корейского языка к алтайским в генетическом плане должно быть датировано глубокой древностью, еще той эпохой, когда деепричастия не сформировались.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Цыденова Д.С. Монгольские и корейские деепричастия. К постановке вопроса // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Материалы международной научной конференции 3-5 октября 2002. С. 493-498.

2. Цыденова Д.С. Деепричастия причины в бурятском и корейском языках» // История и внешние связи бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 137-141.

3. Цыденова Д.С. О некоторых средствах выражения противительных и уступительных отношений в монгольском и корейском языках // Вестник БГУ. Филология. Улан-Удэ, 2004. С. 65-73.

4. Цыденова Д.С. Соединительное деепричастие в корейском языке // Вестник БГУ. Востоковедение. Улан-Удэ, 2005. С. 176-188.

5. Цыденова Д.С., Шахаева А.А. Выражение отношений цели и намерения в корейском языке // Материалы международной конференции «Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания». Улан-Удэ, 2005. С. 233-235.

6. Цыденова Д.С. Сопоставительный анализ семантики соединительных деепричастий монгольского и корейского языков // Проблемы межкультурной коммуникации в преподавании иностранных языков: Материалы международной научной конференции 1-2 июня 2006. Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. С. 124-127.

7. Цыденова Д.С. Условное деепричастие в монгольском и корейском языках // Филологические чтения, посвященные 110-летию академика В.В. Виноградова. Улан-Удэ, 2006. С. 150-157.

Подписано в печать 05.10.06. Формат 60x84/16.
Бумага тип. №1. Усл. п.л.1.
Тираж 100 экз. Заказ 528.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11.

